

Лес между пустыней и городом: завязывая узлы поперек границ¹

ДЕНИС
ШАЛАГИНОВ

Дело в том, что вы даже не можете назначить отчетливый момент, где леса нет.

Жиль Делёз. «Лекции о Спинозе»²

ВЕКТОР И ГРАНИЦА

В «Тысяче плато» Жиль Делёз и Феликс Гваттари вводят дистинкцию между гладким и рифленным пространствами, которая по сути представляет собой ремейк более раннего делёзовского различения между кочевым и оседлым³. Речь идет о двух режимах познания, восприятия и существования, которые никогда не даны в чистом виде: это тенденции, а не объективные состояния, причем тенденции самого гладкого, которое «отличается от себя, обеспечивая принцип рифленного»⁴. Иначе говоря, рифленное – экстенсивное, метрическое – есть не что иное, как грубый перевод (представле-

*Денис Шалагинов
(р. 1986) – философ,
переводчик, независи-
мый исследователь.*

¹ Я хотел бы поблагодарить Евгения Кучинова и Илью Гурьянова за комментарии и поддержку.

² Делёз Ж. *Лекции о Спинозе*. М.: Ad Marginem, 2016. С. 140.

³ Он же. *Различие и повторение*. СПб.: Петрополис, 1998. С. 55–56.

⁴ См.: SOMERS-HALL H. *The Smooth and the Striated* // SOMERS-HALL H., BELL A.J., WILLIAMS J. (Eds.). *A Thousand Plateaus and Philosophy*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. P. 243, 258.

**ПОЛИТИКИ
ЛЕСА: ВПЕРЕД
В ПРОШЛОЕ**

ние) поля интенсивностей и процессов. Контраст гладкого/рифленого проще всего ухватить через различие в понимании линии: в первом случае линия – *вектор*, во втором – *граница*. Если гладкое пространство является топологическим и представляет собой открытое поле векторов, *среду внешнего*, где вещи-потоки распределяются без границ, то рифленое, напротив, характеризуется ограждением, это закрытая среда фиксированных и репрезентируемых твердых вещей⁵. Пара гладкого и рифленого используется для описания самых разных пространств – моря, пустыни, города, деревни и так далее. Вопрос, от которого я хотел бы оттолкнуться, таков: какое место в концепции Делёза и Гваттари отводится лесу?

Гладкое или рифленое?

Обсуждая гладкое и рифленое пространства, Делёз и Гваттари помещают лес во вторую категорию: лес отступает перед пустыней, и симпатии авторов, очевидно, на стороне последней. Эти симпатии коренятся в нелюбви к укоренению, а точнее, в «усталости от деревьев»: если дерево – образ мира, а корень – образ древа-мира и если эти образы замыкают нас в «органической интериорности», необходимо мышление без образа, контрнатурологическая⁶, ризоматическая мысль, возникающая в отношении с неорганической экстериорностью. Не идеальные круги, изображаемые мыслью-государством, а вихревые закругления; не Одно, которое делится на два, а множественность линий, прочерчиваемых «посреди», то есть в непосредственном контакте с внешним; реле-переключатели, а не территориализованные и центрированные средоточия. Впрочем, «дерево» – именно *образ*, за которым скрывается «духовная реальность», неотделимая от утверждения единства стержневого корня; то есть бинарная логика, сдерживающая непредсказуемую вариацию. Как оговариваются Делёз и Гваттари, «дух не поспевает за природой», ведь у стержневых корней всегда множество ответвлений, «латеральных и циркулярных, но не дихотомичных» (*курсив мой*. – Д. Ш.)⁷. Эта оговорка играет важную роль: было бы наивно ставить знак равенства между лингвистическим деревом и тем деревом, что растет в лесу;

5 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 605, 625.

6 См.: «Мысль как Вампир, у нее нет образа – ни для того, чтобы создавать модель, ни для того, чтобы делать копию» (Там же. С. 633). В этом смысле ноология – учение об образах мысли – соответствует «государственному» подходу, которого Делёз и Гваттари стремятся избежать (SOMERS-HALL H. *Op. cit.* P. 243–244). Подробнее о понятии образа в делёзо-гваттарианстве см.: СОВАНЬЯРГ А. *Экология образов и машины искусства* // *Философский журнал*. 2016. Т. 9. № 4. С. 48–62.

7 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 9.

более того, подобное уравнение утверждает именно стержневую логику, то есть, в конечном счете, логику подобия, где одно становится двумя в имитации мира. В результате, устав от деревьев, мы снова «укладываемся на диван», а значит, самое время впустить в ситуацию «немного свежего воздуха»⁸.

Ситуация, о которой идет речь, возникает вследствие локализации терминов «дерево» и «ризомы» по разные стороны баррикад; затем к первому прикрепляется ярлык «старое», а второе воспевается как «новое» – «середина» противопоставляется началам и концам, и мы возвращаемся на территорию той самой «духовной реальности», от которой пытались откеститься, то есть обеими ногами вращаем в наскучившую нам дихотомическую почву – перефразируя Платонова: скучно быть ризомой, если та живет на одном месте.

На эту опасность указывает Дэвид Вуд, который отмечает, что для Делёза и Гваттари деревья суть логические схемы, которые функционируют как машины, обеспечивающие редукцию множественности к обосновываемому единству⁹. Поселившись в наших телах и умах, такие машины воплощают логику власти, и в этом смысле дерево есть не что иное, как образ трансцендентности, «разображаемый» имманентными пролиферациями ризомы. И хотя Делёз и Гваттари предупреждают, что мы не должны противопоставлять дерево-корень и ризому-канал, поскольку дуализм используется только для того, чтобы «достичь процесса, который отверг бы любую модель»¹⁰, соблазнительно увидеть в этом контрасте призрак стержневой логики, против которой авторы восстают. Дабы изгнать этот призрак, следует отвлечься от абстракций: почему бы не допустить, что «кистиной» дерева является ризома?¹¹ На страницах «Тысячи плато» говорится, что дерево представляет собой модель, тогда как ризома – процесс, но если все нужно интерпретировать через интенсивность, то эта операция, несомненно, касается и дерева. «Демоделированное» дерево, то есть дерево *живое*, выворачивает наизнанку логические схемы, так как его *размещение* на деле есть *форма прогулки*: если, к примеру, «корни диких клубней “ходят”, как это делают люди и другие животные»¹², ничто не мешает признать эту способность и за деревьями, на что, в частности, указывает тот факт, что «мы сажаем некоторые деревья в отдалении от дома, потому что знаем, что их корни, в конечном счете, по-

8 Они же. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 14.

9 Wood D. *Thinking Plant Animal Human: Encounters with Communities of Difference*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2020. P. 42.

10 ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Тысяча плато...* С. 36–37.

11 Wood D. *Op. cit.* P. 43.

12 Ингольд Т. *Родословная, поколение, субстанция, память, земля // Этнографическое обозрение*. 2008. № 4. С. 90.

дорвут его фундамент»¹³. Здесь схема Делёза и Гваттари дает сбой: далекие от того, чтобы обосновывать форму внутренне-го¹⁴, то есть утверждать почву духовного единства, деревья ее разосновывают. Иными словами, переходя от дендрограмм к живым деревьям, мы погружаемся в стихию парадокса: корни разукореняют.

Такое разукоренение подталкивает к проблематизации границы между двумя логиками. Как мы помним, ризома *сделана из линий*, а не из точек, позиций или единиц: «она – не многое, выводимое из Одного, или к которому добавляется Одно ($n + 1$)»¹⁵, а «плоская» множественность, создаваемая через вычитание единицы ($n - 1$), – плоская в том смысле, что у такой множественности нет более высокого измерения, которое позволяет «бросить якорь» для последующей унификации/тотализации¹⁶. Конечно, роль добавляемого Одного здесь отводится именно дереву, но можно ли с уверенностью сказать, что живое дерево едино? По сути, это вопрос о пределах: если ризома ускользает от территориализации, то дерево, напротив, должно быть четко определено. Посредством локализации мы получаем «одно», о котором можем спросить – *τί ἐστίν*? Однако, задавшись вопросом, «где кончается дерево и начинается остальной мир» (*курсив мой*. – Д. Ш.)¹⁷, мы увидим, что ответить на него не так легко, как кажется, ведь дерево впутано в плотную ткань экологических отношений и в этом смысле представляет собой *множественное сплетение линий жизни* – а что такое сплетение линий жизни, если не ризома? Стало быть, дерево «предстает в своей “чистой”, дендровидной форме», только если мы конвертируем его в образ, абстрагированный от «ризоматической спутанности»¹⁸. Другое имя такой спутанности – лес.

В «Трактате о номадологии» Делёз и Гваттари утверждают, что гладкое пространство находится *между двумя* рифлеными: «пространством леса, с его вертикалями тяготения, и пространством сельского хозяйства»¹⁹. Если сельское хозяй-

13 Wood D. *Op. cit.* P. 45.

14 Дом ставит себе на службу саму идею интериорности: замораживая потоки и предотвращая разрывы, характерные для внешней среды, он отсылает к более широкой складке государства. См.: ЛАБЕЛЛЬ Б. *Акустические территории: звуковая культура и повседневная жизнь*. М.: Новое литературное обозрение, 2022. Гл. 2.

15 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 37.

16 См.: PRZEDPEŁSKI R., WILMER S.E. *Introduction* // ИДЕМ (Eds.). *Deleuze, Guattari and the Art of Multiplicity*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. P. 5.

17 Ингольд Т. *Погружая вещи в жизнь: творческие переплетения в мире материалов* // Неприкосновенный запас. 2021. № 2(136). С. 34.

18 Он же. *Родословная, поколение, субстанция, память, земля*. С. 90. По словам Ингольда, делёзо-гваттарианская идея дерева основана не на «реальном» дереве, а на «бюрократической органогамме или когнитивном алгоритме с его иерархией контроля» (INGOLD T. *One World Anthropology* // ИДЕМ. *Imagining for Real: Essays on Creation, Attention and Correspondence*. Abington; New York: Routledge, 2022. P. 350).

19 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 647.

ство предполагает оседлость (что еще не является достаточным основанием для его классификации как рифленого²⁰), то «вертикали тяготения» леса вызывают вопросы. Такие вертикали отсылают к *celeritas* и *gravitas*, скорости и медленности, трактуемым не как количественные степени движения, а как два качественно разных типа движения. В этом смысле медленным будет движение, идущее от точки к точке, в то время как «быстрота, скорость говорят только о движении, которое минимально отклоняется» (*курсив мой*. – Д. Ш.)²¹. Замедление является ключевой задачей государства, которое рифлит пространство через захват и канализацию потоков, контроль циркуляций и перемещений. Исходя из этого Делёз и Гваттари заключают:

«Тяжесть, *gravitas* – вот сущность Государства. Дело не в том, что Государство игнорирует скорость; но оно нуждается в том, чтобы движение, даже самое быстрое, перестало быть абсолютным состоянием того, что движется и занимает гладкое пространство, дабы стать относительной характеристикой “того, что движимо”, и идет от одной точки до другой в рифленом пространстве»²².

Иначе говоря, государство работает как фильтр-преобразователь – процеживает скорость через устанавливаемые барьеры, которые позволяют фиксировать направления потоков, – а его политическая власть есть не что иное, как «полис, полиция»²³. Таким образом, главной силой рифления является город, и как раз город «изобретает сельское хозяйство», так как под его влиянием «крестьянин и его рифленое пространство налагаются на земледельца во все еще гладком пространстве»²⁴. Но что насчет леса? Разумеется, в лесном пространстве движение замедляется, но в каком смысле? Кроме того, разве в характеристике леса через вертикали тяготения не игнорируется различие между деревьями, городскими зданиями и так далее? Все выглядит так, будто Делёз и Гваттари, ратуя за «отмену любой метафоры» во имя «Реального»²⁵, слишком буквально восприняли метафору каменных джунглей.

Чтобы ухватить различие между городом и лесом, временно отклонимся от гладкого и рифленого и обратимся к концептуальной паре, которая артикулирует интересующий нас кон-

20 См.: «Мы не можем удовлетвориться немедленным противопоставлением гладкой почвы животноводокочевника и рифленой земли оседлого земледельца. Ясно, что крестьянин, даже оседлый, всецело причастен к пространству ветров, звуковых и тактильных качеств» (Там же. С. 817); см. также: Ингольд Т. *Воздухоплавание в гладком пространстве* // *lmnt*. 2021. № 2 (<http://lmnt.space/portfolio/ballooning/>).

21 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 623.

22 Там же. С. 650.

23 Там же.

24 Там же. С. 817.

25 Там же. С. 116.

траст несколько иначе. По словам Тима Ингольда, есть два несовместимых порядка: вегетативный и артефактный²⁶. В то время как первый задан силой роста и превалирует в лесу, второй – силой интеллекта, способного навязывать миру свои проекты; этот порядок доминирует в городе и устанавливается посредством инжиниринга твердых поверхностей, которые сдерживают материальные потоки и, соответственно, разрастание леса. Ингольд акцентирует внимание на свойствах движения, связанного с вегетативными процессами: к примеру, линия роста самой обычной веточки не имеет конечной цели: не идет от точки к точке – а напротив, непрерывно отклоняется²⁷. Стало быть, сколь бы медленным ни было разрастание леса, здесь мы имеем дело с *celeritas*, а не с *gravitas*: в этой перспективе лес предстает гладким по преимуществу – это среда, где разворачивается вихрь «вопрошания, от которого непрерывно отступает любой ответ»²⁸. Ответ, от которого следует отступить нам, – спайка *gravitas* и вертикали. Цитируя Пауля Клее, Ингольд пишет, что «отношение к земле и атмосфере порождает способность расти» и, когда «семя пускает корни», линия роста поначалу «направлена к земле, хотя и не для того, чтобы там жить, а лишь для того, чтобы черпать оттуда энергию для выхода на воздух»²⁹. Это ставит перед нами вопрос о векторе движения – сверху вниз и(ли) снизу вверх, – и с этой точки зрения есть строгое различие между проседающим фундаментом и растущим деревом, чье укоренение чертит линию побега от *gravitas*. Впрочем, мы также не можем, используя формулировку Делёза, заявлять, что деревья «скорее *взмывают в воздух*, чем остаются погребенными в земле»³⁰. Ведь, по сути, они двигаются одновременно в обоих направлениях. Иначе говоря, деревья – это инклюзивно-дизъюнктивные сущие: не покидая землю, они вживаются в небо.

Как уже отмечалось выше, гладкое представляет собой среду внешнего и предполагает распределение в пространстве без границ и оград. Справедливо ли это в отношении леса? В статье «Деревня и лес в идеологии брахманистской Индии» Шарль Маламуд определяет лес (*āraṇya*) как «иное, чем деревня». Понятие границы в свою очередь напрямую связа-

26 Которых, однако, не следует путать с «природой» и «культурой», поскольку «мир может быть “природой” лишь для существа, которое в нем не обитает» (INGOLD T. *Hunting and Gathering as Ways of Perceiving the Environment* // ИДЕМ. *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London; New York: Routledge, 2000. P. 40). См. также: Ингольд Т. *Культура, природа, среда: на пути к экологии жизни* // Стадис. 2019. № 1. С. 111.

27 INGOLD T. *Correspondences*. Cambridge: Polity Press, 2021. P. 44–45.

28 ИДЕМ. *Whirl* // СОНЕН J.J., DUCKERT L. (Eds.). *Veer Ecology: A Companion for Environmental Thinking*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2017. P. 426.

29 Ингольд Т. *Погружая вещи в жизнь...* С. 38.

30 ДЕЛЁЗ Ж. *Что говорят дети* // Он же. *Критика и клиника*. СПб.: Machina, 2002. С. 90.

но с деревней (*grāma*), его порождающей: «нет деревни, нет и границы»³¹. Примечательно, что конфликт леса и пустыни, артикулируемый Делёзом и Гваттари («сначала кочевники поворачиваются против жителей лесов»), здесь растворяется. Маламуд пишет:

«Деревня здесь, а лес там. Точно так же лес есть то место, куда идут, когда отдаляются от деревни. Можно ли определить *аранью* иначе, чем то, что находится вне деревни? Ее постоянная характеристика состоит в том, что она является пустым промежуточным пространством. Синонимы *араньи* – это слова, первым значением которых является “дыра”, *irīna*, “пустыня” [в смысле необитаемого места. – *Примеч. перев.*], или “между-двух”, *prāntara*»³².

Между-двух деревень – *необитаемое* место, которое «может быть пустыней»³³, но смысл в другом – *другом* в отношении порядка, (пере)утверждаемого через ритуал усвоения леса, внешний характер которого отчетливо прослеживается семантически³⁴. Лес усваивается в ходе жертвоприношения, функция которого не в абсолютном отделении деревни от того, чем она не является, а скорее в *выделении* деревенского элемента», призванном показать превосходство деревни «над окружающим лесным миром» и «способность (возникающую именно благодаря жертвоприношению) охватить, поглотить лес»³⁵. Последний предстает «обширной лакуной», непроявленной и неопределенной, располагающейся одновременно ниже и выше дхармической нормы. Таким образом, *аранья вне закона*, как человек-гиена³⁶. Развернувшись между-двух очагов рифления, лес сливается с пустыней. Но не является ли такое разглаживание поспешным?

Узлы в абсолютной локальности

Гладкое пространство оккупируют, не исчисляя, тогда как рифленое исчисляют, чтобы оккупировать – но можно ли обитать в пространстве, не оккупируя его? Каким будет такое пространство – гладким или рифленным? Или, может быть, одним из

31 Маламуд Ш. *Деревня и лес в идеологии брахманистской Индии* // Он же. *Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии*. М.: Восточная литература, 2005. С. 121.

32 Там же. С. 121–122.

33 Делёз Ж. *Причины и резоны необитаемых островов* // Художественный журнал. 2013. № 90 (<http://moscowartmagazine.com/issue/7/article/84>).

34 Как поясняет Маламуд, «слово *āraṇya*, “в лесу”, в ведийских текстах является также антонимом *atā*, “у себя”. Прилагательное *āraṇa*, “чужой, внешний”, чье производное *āraṇya* противопоставляется *sva*, “своему”» (Маламуд Ш. *Указ. соч.* С. 121).

35 Там же. С. 125.

36 «Человек-гиена живет на краю деревни или между двумя деревнями и может наблюдать в обоих направлениях» (Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 408) – фигура дизъюнктивного синтеза.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ
ЛЕС МЕЖДУ ПУСТЫНЕЙ
И ГОРОДОМ...

тех «других», которые, как вскользь заметили Делёз и Гваттари, «следовало бы принять в расчет»?³⁷ И если да, то чем могло бы определяться такое другое пространство? Иначе говоря, какая операция для него конститутивна? Давайте посмотрим.

В третьей и, пожалуй, ключевой главе книги «Линии: краткая история» (2007) Ингольд вводит дистинкцию между логиками сборки (*assembly*) и прогулки (*walk*). Если в первом случае мы имеем дело с россыпью замкнутых на себя точек, заданных в четком порядке, а линия представляет собой *соединитель*, то во втором линия разворачивается, «гуляет» без привязки к предустановленным пунктам. Сборка работает в режиме пазла, части которого следует вставить в подготовленное место: мы как бы участвуем в конструировании, где каждый сегмент надо состыковать с другим, чтобы получить тотальность более высокого порядка – *дополнительное измерение*, ризоматически изгоняемое Делёзом и Гваттари. Но с прогулкой все по-другому: она развивается в петляющих *lignes d'erre* и не предполагает завершения, а значит, и сама концепция места здесь в корне иная³⁸. И как раз этот момент играет решающую роль в обсуждении различных пространств. Строго говоря, дистинкция Ингольда повторяет противопоставление системы-точки и системы-линии³⁹, но повторяет, различая – где различие проходит по линии обитания.

Дело в том, что, пока мы смотрим на пустыню и лес *извне*, они даны именно в логике рифления, как дискретные точки на карте, искусственно стабилизированные и отрезанные от потоков, которые через них протекают. В *этом* смысле лес и пустыня контурированы и схвачены экстенсивно. Но, если, как напоминает Кристоф Кокс, Делёз предлагает мыслить онтологию глаголов, а не существительных⁴⁰, речь должна идти не о лесе, а скорее о том, *как* «лесить», и не о пустыне, а о том, *как* «пустынить». Другими словами – как *обитать* посреди лесов и пустынь? Ингольд отвечает на этот вопрос так:

«Я полагаю, что странствие – самый фундаментальный модус, в котором живые существа, как человеческие, так и нечеловеческие, обитают на земле. Под обитанием я не имею в виду занятие своего места в мире, заранее подготовленном для тех, кто придет, чтобы там поселиться. Обитатель – скорее тот, кто изнутри участвует в самом процессе непрерывного рождения мира и, прокладывая жизненную тропу, вносит свой вклад в его плетение и текстуру»⁴¹.

37 Там же. С. 851.

38 INGOLD T. *Lines: A Brief History*. London; New York: Routledge, 2007. P. 72–75.

39 См.: ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Тысяча плато...* С. 482 и далее.

40 КОКС К. *Звуковой поток. Звук, искусство и метафизика*. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 59.

41 INGOLD T. *Lines...* P. 81.

Странствие отличается от *перемещения* исходя из описанной выше дистинкции прогулки и сборки. Последняя, в частности, воплощается в проведении через обитаемый мир линий *оккупации* – рубежей, одновременно соединяющих точки в сети и разделяющих занятые земли, нарезая их на территориальные блоки. Иными словами, оккупация здесь трактуется в русле рифления. На этом уровне мы остаемся внутри полярности гладкого и рифленого, но Ингольд смещает эту пару, вводя нового концептуального персонажа. Если гладкое – стихия *кочевника*, а рифленое – *оседлого*, то в мире, понятном как ретикулярная путаница троп, обитает *странник*. Различие между ними проходит по линии локальности: оседлый занимает место; кочевник – нет; странник ни размещен, ни безместен – он скорее *создает* места⁴². Но о каких местах речь? Разве место не точка на карте и не ограниченный участок?

В логике обитания место формируется как динамический узел, где сплетаются разные линии жизни. Если в «Трактате о номадологии» Делёз и Гваттари производят «спаривание места и абсолюта в бесконечной последовательности локальных операций»⁴³, то здесь мы имеем дело с закручиванием абсолютной локальности в вихревых размещениях, где места не противостоят потокам-тропам, но завязываются в узлы-паузы – нечто вроде *points clés*, приведенных в движение. Такое понимание места мы находим у охотников и собирателей, среди которых «наиболее значимыми местами являются те, где тропы различных существ пересекаются или, возможно, на время сливаются, чтобы затем разделиться вновь»⁴⁴.

Прекрасным примером может послужить амазонское племя панара (*panará*) – группа, обитающая в бразильских штатах Мату-Гросу и Пара. Для панара пойти на охоту – значит отправиться на прогулку в лесу. Как утверждает антрополог Фабиану Кампелу Бачелани, такая прогулка представляет собой способ познания леса, творческое движение, благодаря которому охотник встречается с животным; это особый режим взаимодействия со средой: практика «мирения» – плетения мультивидовых отношений и порождения мест⁴⁵. В этом смысле, как мы выразились в другом месте⁴⁶, лес – не рифленое, но и не гладкое, а скорее *плетеное* пространство.

⁴² Ibid. P. 101.

⁴³ Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 644.

⁴⁴ Ингольд Т. *Родословная, поколение, субстанция, память, земля*. С. 90.

⁴⁵ BACHELANY F.C. *Hunting Paths in the Amazon: Technics and Ontogenesis among the Panará* // Vibrant. 2019. Vol. 16. P. 3. Автор приводит дефиницию термина, данную Марисоль де ла Каденой: «Мирение – это практика создания жизненных отношений в месте и самого места» (CADENA M. DE LA. *Earthbeings: Ecologies of Practice across Andean Worlds*. Durham: Duke University Press, 2015. P. 291).

⁴⁶ Кучинов Е., Шалагинов Д. *Дикий Прометей: стратегический примитивизм и вопрос о технике* // Логос. 2022. № 2. С. 125.

Такое пространство рождается из пластичных экологических отношений, как у панара и других амазонских племен, представители которых гуляют по лесу (*suaséri*) вдоль троп. Последние в свою очередь возникают из ритмов – сцеплений мест и времен⁴⁷, создающих условия для охоты. Ключевой момент состоит в том, что в таком модусе среда мыслится и проживается не через территорию, а через траекторию: идя вдоль тропы, охотник находит свою добычу, и здесь же происходит ее «трансформация в мясо»; сама тропа трехмерна – это «туннель» в лесу, где пересечение троп животных с охотничьими порождает «паутину движений»⁴⁸, то есть, по сути, переплетение жизненных потоков.

Как заявляет Бачелани, панара «создают свою землю в соответствующем месте, землю, которой они владеют и которая владеет ими (что сильно отличается от утверждения, что они являются ее собственниками)»⁴⁹. Мы увидели, что лес проживается как ретикулярное пространство, сплетенное из троп и мест, где последние понимаются не как контейнеры, а как реляционные узлы. Но прогулка вдоль троп проходит поперек границ, в том числе и той, что отделяет лес от пустыни. Иначе говоря, ретикулярная организация пространства, связь с землей и особое понимание места характерны не только для лесных племен – эти «режимы территориальности» мы находим и у обитателей пустыни.

«Индигенизируя антропологию с Гваттари и Делёзом», Барбара Гловчевски, к примеру, говорит о ризоматическом опыте среди австралийских аборигенов, прежде всего вальпири, имея в виду способ, которым те картографируют свое знание: их ретикулярное восприятие среды. Пересаживая делёзо-гваттарианскую ризому в этнографическое поле, Гловчевски использует ее для концептуализации процессов создания экзистенциальных территорий и прохождения через места – странствие, которое продлевается в пространстве-времени сна и мифа⁵⁰. Напрашивается вопрос: не является ли описываемая конфигурация пространства, будь то лес или пустыня, и сама чем-то вроде сна о магическом мире, мифа об Эдеме?

Иначе говоря, это вопрос о возвращении к корням: в «лес», живущий лишь в «мечтах о первобытном» и не только «всегда уже сомкнувшийся вокруг»⁵¹, но и проникший в мысль в качестве призрака райского сада, навязчивой идеи о погруже-

47 BACHELANI F.C. *Op. cit.* P. 13–14.

48 *Ibid.* P. 16–19.

49 *Ibid.* P. 20.

50 GŁOWCZEWSKI B. *Indigenising Anthropology with Guattari and Deleuze*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. P. 36–37, 126, 286.

51 Библихин В.В. *Лес*. СПб.: Наука, 2011. С. 5.

нии в чистоту предьстории. И что важно, этот призрак – всего лишь один из аватаров призрака стержневой логики, ведь с «генеалогической» точки зрения охотники и собиратели размещаются у корней истории: они, как и Адам, считаются принадлежащими земле, в отличие от тех, кто пришел *после* и, разорвав узы «природы», вступил в эту историю⁵². И все же, обращаясь за примерами к доиндустриальным обществам, мы вовсе не стремимся вернуться *назад*, скорее наоборот.

За вопросом о возвращении кроется (ан)археологическая проблема «монументализма»: как вернуться *не* к тому, с чего мы начали, *позабыв* о началах и концах? Двигаясь в этом направлении, Делёз отличает «археологический» путь, где «все время надо углубляться», от «картографического», где, наоборот, требуется «не искать какой-то исток, а оценивать *смещения*», то есть *не воспроизводить*, а повторять траекторию⁵³. И как раз в этом, втором, смысле возвращение всегда ведет к противоположному результату.

Вперед в прошлое – такой курс намечается в поздних работах Эдуарду Вивейруша де Кастру, прежде всего тех, что написаны вместе с Деборой Дановски⁵⁴. Позабыть об истоке и сместить (на)значение истории современного Человека, укорененной в осевом времени и трактуемой как история вытеснения «магической» имманентности, значит повернуться к тем, чье вычеркивание из этой истории стало условием возможности ее (прямо)линейного развертывания. Лесным народам и экспериментальным земледельцам, или, по выражению Бальзака, «дикарям, крестьянам и жителям провинции», создающим лоскуты обитаемости в (относительно) глобальном мире «принудительной урбанизации»⁵⁵. И если, как заявляют некоторые теоретики, «город в целом является технопарком будущего»⁵⁶, линия обитания означает уход из технопарка в его экстерьер: зазоры современности, в которых упорствует прошлое. Апроприруя и модифицируя выражение Николая Федорова⁵⁷, я назвал бы этот курс *переводом города в лес* – но о каком прошлом здесь идет речь?

По сути, такое прошлое есть предьстория, но не та, что хронологически предшествует современности, а та, что ей со-

52 См.: Ингольд Т. *Родословная, поколение, субстанция, память, земля*. С. 80.

53 Делёз Ж. *Что говорят дети*. С. 90.

54 VIVEIROS DE CASTRO E., DANOWSKI D. *The Past is Yet to Come* // E-flux journal. 2020. № 114 (www.e-flux.com/journal/114/364412/the-past-is-yet-to-come/); ИДЕМ. *The Ends of the World*. Cambridge: Polity Press, 2017. См. также комментарий к последней работе: ШАЛАГИНОВ Д. *Апокалиптические митофизики и радикальный антропоморфизм* // Логос. 2019. № 3. С. 268–278.

55 См. опубликованную в этом номере «НЗ» статью Эдуарду Вивейруша де Кастру «О моделях и примерах: инженеры и бриколеры в антропоцене».

56 БРАЙДОТТИ Р. *Постчеловек*. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. С. 345.

57 У Федорова «перевод города в село», см.: ФЕДОРОВ Н. *Музей, его смысл и назначение* // Гройс Б. *Русский космизм. Антология*. М.: Ad Marginem, 2015. С. 72 и далее.

путствует, будучи онтологически первичной; с точки зрения Ингольда возвращение к так понятой предьстории – это не «темпоральная регрессия», а поворот к жизни, которая предшествовала истории и без которой последняя невозможна⁵⁸. И как раз способ жить является ключевым фактором в различении пространств. По словам Делёза и Гваттари, можно жить «гладким образом» даже в городе⁵⁹ – стало быть, ничто не мешает и «переплести» город тропами, позволив экстерьеру прорасти изнутри технопарка.

Именно такой город описывает Мишель де Серто в «Изобретении повседневности» – город, который живет *вопреки* «вторжениям современного урбанизма, разгораживающего пространство»⁶⁰. Блуждая по городу, который «превращается для многих в “пустыню”, где бессмысленное, даже ужасающее, предстает уже не в виде теней, а становится [...] светом, который повсюду создается технократической властью», обитатели прокладывают тропы внутри функционалистского порядка мест, приводя эти места в движение и таким образом отклоняя вписанное в них «буквальное значение»⁶¹. Через отклонение лес возвращается в город в виде «особых» мест, тех, что «отмечены знаком другого» и способны, по словам де Серто, «впитывать легенды, предоставляя «выходы, способы выходить и возвращаться и, следовательно, обитаемое пространство»⁶². Город удваивается избыточными анонимными силами, порождающими смещения и ускользания, и становится обитаемым, но *лишь благодаря несовпадению* с собственным образом. «Люди могут жить только в тех местах, которые населяют духи»⁶³ – изгоняемые в ходе *ритуалов рационализации* анимистические «пережитки» на деле оказываются условием жизни. Но, помимо людей, в городе есть неисчислимое множество нечеловеческих обитателей, чьи жизненные тропы проходят поперек установленных границ, разрушая и переплетая спроектированный мир⁶⁴, так из зазоров дендрообразного города упрямо прорастает лес – и даже дерево становится ризомой (не только на Западе⁶⁵).

58 INGOLD T. *Posthuman Prehistory* // ИДЕМ. *Imagining for Real...* P. 324.

59 ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Тысяча плато...* С. 819.

60 СЕРТО М. ДЕ. *Изобретение повседневности. 1. Искусство делать*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 185.

61 Там же. С. 200–204.

62 Там же. С. 205–206. Говоря об историях и легендах как «избыточных обитателях» города, де Серто напрямую связывает их с деревьями, лесами и укромными местами. С его точки зрения, прогулка и/или путешествие, открывая пространство другому, выступают субститутом таких историй.

63 Там же. С. 208.

64 См.: INGOLD T. *Lines...* P. 102–103.

65 См.: ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Тысяча плато...* С. 34.

ДЕНИС ШЛАГИНОВ
ЛЕС МЕЖДУ ПУСТЫНЕЙ
И ГОРОДОМ...

*Лес в городе. Фотография
Марии Шалагиновой.*

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ, НАУЧНЫЕ РИТУАЛЫ

Если перевод города в лес есть возвращение к *магической* имманентности⁶⁶, результатом этой операции будет повторное заколдовывание мира, то есть его *одушевление*⁶⁷. Но такой перевод не лишен трудностей, и в заключение мне хотелось бы рассмотреть одну из них, обратившись к фильму Бена Уитли «В земле» (2021). Это решение оправдано не только поставленной в фильме проблемой, но и его жанровой спецификой: «В земле» – психоделический фолк-хоррор. Вряд ли эта констатация автоматически проясняет, почему разговор

66 VIVEIROS DE CASTRO E., DANOWSKI D. *The Past is Yet to Come*.

67 См.: Кон Э. *Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека*. М.: Ad Marginem, 2018. С. 48, 121, 144–154, 310, 318–319.

о фильме уместен *здесь*, поэтому следует кратко описать, что собой представляет этот (под)жанр. Речь идет о форме культурного производства, которая появилась в конце 1960-х и возродилась в 2010-е; эта форма определяется «фольклорностью»: «коренится в темной “народной сказке”» и стремится «*воскресить [...] заколдованный мир*» (*курсив мой*. – Д. Ш.)⁶⁸. В фолк-хорроре психогеография сплетается с анимизмом: атмосферы создаются «духами места»⁶⁹; ландшафт представляет собой палимпсест: пористая земля впитывает прошлое, которое *не* является мертвым, так как всегда может быть *вызвано* к жизни. Отсюда структурирующая роль ритуала⁷⁰. Но ритуал здесь не сводится к пробуждению древних сил изолированным локальным сообществом – как правило, с искаженными моральными ценностями. Речь также может идти о ритуале инициации, что напрямую связано с конкретным сеттингом – лесом⁷¹. Ярким примером произведения, в котором ритуал «удваивается», является роман Адама Нэвилла «Ритуал»⁷². Действие фильма Уитли тоже разворачивается в лесу, но если тема романа Нэвилла – поиск в прошлом корней и идентичности, который в сочетании с патологическим нарциссизмом ведет к вырождению эстетики восстания в крайние формы стержневой логики, то «В земле» – отчетливо постпандемийный фильм, где лес не место «дикой охоты», но альтернативное городу пространство научного экспериментирования.

Эксперименты начинаются в области исследования влияния микоризы на урожайность, но смещаются в сферу перевода. Именно проблема перевода является ключевой в фильме Уитли, который, по сути, «заземляет» тему первого контакта. Если благодаря «научным войнам» стало известно, что «дистанция, отделяющая религию от магии, намного больше той, что отделяет религию от науки»⁷³, то «В земле» вносит в эту ситуацию ряд поправок. На смену «войнам» приходят «специальные операции»: наука становится достаточно безумной для усвоения магических техник вызова; более того, действуя на вражеской терри-

68 KEETLEY D. *Introduction: Defining Folk Horror* // *Revenant*. 2020. № 5. P. 4–16. Обзор примеров см. здесь: INGHAM D.H., DEAR J., LACOSTE M., SMITH S., PIETERSEN D. *We Don't Go Back: A Watcher's Guide to Folk Horror*. Swansea: Room207Press.com, 2018.

69 ПАСИОРЕК А. *From the Forests, Fields, Furrows and Further: An Introduction* (<https://folkhorrorrevival.com/from-the-forests-fields-furrows-and-further-an-introduction-by-andypaciorek/>).

70 Подробнее см.: SCOVELL A. *Folk Horror: Hours Dreadful and Things Strange*. Liverpool: Liverpool University Press; Auteur Publishing, 2017.

71 Как пишет Пропп, инициация всегда проводилась в лесу, но «связь обряда посвящения с лесом настолько прочна и постоянна, что она верна и в обратном порядке. Всякое попадание героя в лес вызывает вопрос о связи данного сюжета с циклом явлений посвящения». См.: ПРОПП В. *Исторические корни волшебной сказки*. СПб.: Питер, 2021. С. 95.

72 Нэвилл А. *Ритуал*. М.: АСТ, 2018; см. также: *Interview with Adam Nevill, author of the Ritual (2011)* // *Revenant*. 2020. № 5. P. 210–225.

73 ВИВЕЙРУШ ДЕ КАСТРУ Э. *Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии*. М.: Ad Marginem, 2017. С. 124.

тории, такая наука вступает в зону неразличимости с культом лесного духа. Но о каком духе идет речь?

«Я думаю, что лес можно чувствовать, – говорит персонаж фильма, лесной рейнджер Альма. – Люди просто дали этому чувству имя», то есть *имя духа: Парнаг Фегг*. С одной стороны, местная сказка, призванная пугать детей, с другой, – простирающаяся на много километров микориза, сплетающая деревья в иноразумную ризому. Нечеловеческий мозг, способный влиять на химию человеческих тел и таким образом управлять их поведением. Микориза вселяет в голову мысль, прорастающую, «как зерно», – так Уитли обыгрывает сквозной мотив фолк-хоррора: отчуждение человеческой агентности в пользу земли⁷⁴.

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ
ЛЕС МЕЖДУ ПУСТЫНЕЙ
И ГОРОДОМ...

Помимо людей, в городе есть неисчислимое множество нечеловеческих обитателей, чьи жизненные тропы проходят поперек установленных границ, разрушая и переплетая спроектированный мир, так из зазоров дендрообразного города упрямо прорастает лес.

Комментируя концепцию Маламуда, я сказал, что жертвоприношение – это операция (пере)утверждения порядка. «В земле» позволяет уточнить этот тезис: (пере)утверждение реализуется через установление коммуникации между некоммунитивными элементами, то есть через *рифление*; в этом смысле ритуал есть не что иное, как техника перевода *леса в город*. В одном из эпизодов фильма персонажи спорят:

- Поверить не могу, что мы совершим ритуал.
- Мартин, знаю, тебе некомфортно, мне тоже некомфортно, но мы должны выслушать его [лес].
- А ты не слушаешь. Не думаю, что слушала. Что он может нам сказать?
- Альма, я думаю, теперь уже ясно, да?
- Нет, не особо.
- Мы можем жить вместе, не разрушая друг друга. Как и любое другое существо, он переживает о территории, еде, укрытии.
- Ты говоришь о нем, *как о человеке*. [...] Он не человек.
- Мы совершаем открытие. Может, пора научиться говорить с разными существами?..

74 По словам Дона Китли, «одной из наиболее важных характеристик фолк-хоррора является ужасающая агентность земли – ужасающая не только потому, что земля становится причастной к смерти персонажей, но и потому, что человеческие акторы, привыкшие считать себя единственной движущей силой истории, часто на глубинном уровне лишены агентности» (KEETLEY D. *Op. cit.* P. 9).

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ
ЛЕС МЕЖДУ ПУСТЫНЕЙ
И ГОРОДОМ...

Лес можно чувствовать – вопрос лишь в том, нужно ли с ним коммуницировать, особенно если допустить, что за «ясностью» экологизма, в конечном счете, скрывается менеджмент. Принесенное в жертву геометрии, дерево превращается в крест⁷⁵ – принесенный в жертву коммуникации, лес становится «парламентом» или «генеральной ассамблеей», где «белые халаты» берут на себя тяжелый труд репрезентации лесного образа мысли. В результате, вместо магической имманентности, мы получаем магический захват, конвертирующий лес в идола, изнанкой которого остается сырой материал. Как пишут Делёз и Гваттари, «мы можем переходить от магической функции к рациональной», но «все уже отрегулировано, как только форма-Государство инспирирует образ мысли»⁷⁶. Как мыслят леса? Не привить ли им немного демократии?... Куда важнее другое: как *не* превратить лес в лесопарк?

75 Wood D. *Op. cit.* P. 49.

76 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато...* С. 631.